

ВЫПИСКА

10452
III

ИЗ СТЕНОГРАФИЧЕСКОГО ОТЧЕТА ЗАКРЫТОГО ПАРТИЙНОГО СОБРАНИЯ
РЕДАКЦИОННОГО КОЛЛЕКТИВА "ИЗВЕСТИЙ ЦИК СССР и ВЦИК" от

17 августа 1936г.

РАДЕК. - Мне не труднее, а легче говорить об этих вещах, потому что, то, что представлено в документе МК, для меня не представляет ничего неожиданного в смысле конкретных вещей. Но самая возможность таких фактов не вызывала бы сомнения у тех, кто видел бы настроение оппозиции в ссылке. То, что я видел в ссылке, было основным элементом, который оттолкнул меня от оппозиции.

Оппозиция мобилизовала часть рабочего класса, указывая на то, что партия недостаточно проводит индустриализацию. Пришел двадцать восьмой году. Уже на ХУ съезде партии была выставлена большая программа по расширению индустриализации. Как реагировала на это значительная часть ссылки? Она реагировала так - что это все пустышка. Желания помочь индустриализации не было. Люди кричали о демократии. Вы помните, как в 1928г. была развязана огромная волна самокритики, как большое орудие для очищения партии от бюрократических элементов. Казалось, что эта борьба за самокритику, есть громаднейший рычаг для развертывания партийной и массовой демократии. Но кроме ехидства, она ничего не вызывала у значительной части оппозиции. Была в ссылке группа, которая открыто дискутировала и потом эту дискуссию посыпала по почте - имеются ли перспективы на гражданскую войну. Я помню один из таких переломных моментов о правовом порядке - это было, когда приехал в Томск один молодой рабочий московского завода. Отношения ко мне были тогда такие, что товарища, уезжавшего в ссылку дальше, сначала присыпали ко мне.

105/12
83

И вот этот рабочий зашел ко мне. Мы много говорили с ним. Говорили о продовольственных затруднениях. Я его спросил, что бы вы сделали, если бы, например, вдруг вышли отсталые женщины и стали бы бить стекла в кооперативах.

Он подумал и говорит - наверное мы бы об'единились под лозунгом против ЦК. Тогда я ему сказал, что это было бы контрреволюционным выступлением. Он задумался и ответил: не кричите на меня. Он был взволнован и сказал - мы этого не разбирали.

Я тогда, в октябре 1928г., сказал себе, что эсеры, которые по своему социальному составу были мелкобуржуазной партией и сотрудничали с нашей властью, но при неправильной их политике стали в течение одной ночи сразу контрреволюционной группой. Я тогда понял, что наша партия права, говоря, что эти люди в самый короткий срок могут стать основной силой контрреволюции.

И вот, зная сопротивление Муралова, Смирнова против попыток сближения с партией, я написал: вы долго не решаетесь. ^{Решу} трудностях, вызванных индустриализацией, я получил по телеграфу ответ от Муралова: "Согласен при условии "постольку поскольку".

При таком настроении людей тогда уже для меня было ясно, что пора кончать с этой борьбой с советской властью, что это стало уже контрреволюцией, что если не хочешь попасть в эту клику, нужно пересмотреть всю свою систему мыслей.

Что же случилось? Когда часть троцкистов вернулась в партию, - о зиновьевцах я не буду говорить, перед ХІУ с'ездом они открыто маневрировали, не меняя взглядов на то, что они считали правильным. Но как смотрела на это партия. Есть классическое изречение Сталина, которое в нескольких словах дает об'яснение всей сущности этой вещи. Он говорит, что оппозиция отражает волю,

106 54
113

сущность мелкой буржуазии: при победах торжествует вся организация - море по колено. При поражениях теряет голову, впадает в панику, и Сталин кончил так: - может случиться, что мы попадем в обстрел и с фронта и с тыла. При нападении врага мелкобуржуазное нутро может выразиться в политике, которая будет означать обстрел с тылу.

Думал ли тогда Stalin о террористических вещах, хотя он имел право это думать. Но во всяком случае эту опасность он показал.

Люди вернулись в партию. Партия знала, что они представляют колеблющуюся среду, но все-таки поставила их на работу. Есть даже легенда Троцкого, что вернули в партию только для того, чтобы по частям истребить. Ведь Зиновьеву дали возможность работать на неслыханно ответственном посту. Каменев был назначен редактором издательства, Смирнов и Мрачковский находились на строительстве дороги на Дальнем Востоке, - словом тысячи людей были поставлены немедленно на работу. Только дурак мог обижаться за это на партию.

Часть людей из них вероятно сразу решила быть двурушниками, часть стала возвращаться к открытой оппозиции, особенно, когда у нас вышли затруднения с пятилеткой, когда на Украине был голод. Зиновьев, допрошенный ЦКК, кажется в 1933г., сказал о необходимости отступления перед кулаком -- это по поводу боев на Кубани.

И вот начинается перерастание из мелкобуржуазной оппозиции, какой она считалась партией в 1928г., прямо в фашистскую. Как это случилось? Ведь обстановка сейчас такая - живем мы в предвоенное время. Две фашистские страны открыто готовят нам войну. И нет такого дурака, который не понимал бы, что если

теперь создаются фракционные организации, для расшатывания единства партии, то это есть прямая помощь фашистам. А если эта организация, которая может себе делать иллюзии, что она что-нибудь делает, и вместе с тем может стрелять по руководителям партии, то если бы между ними и гестапо не было бы никакой, — а связь эта доказано, доказано, что сын Троцкого Седов указывал, что можно пользоваться помощью фашистов, но только не дайте себя поймать, — это говорит о том, что оппозиция стала фашистской организацией и перекликается с ним. Один из оппозиционеров, Кибальчич, которого отпустили за границу, напечатал статью в органе польского правительства, в которой он выступает с защитой эс-эров и меньшевиков, обвиняя партию в их арестах. Здесь полная осознанная смычка и если дело идет о мерах борьбы, то какой здесь может быть разговор. Люди поднимают оружие — они должны погибнуть от оружия.

В 1933г., когда арестовали Зиновьева, то были голоса, что это были слабые колебания, что их переплавят ГПУ, но практика показала, что это не были колебания, а развертывающаяся линия и именно теперь стало ясно, что эта широкая сеть, которая, хотя и не охватывает серьезные силы рабочего класса, но она достаточно широка, чтобы наделать неслыханных бед. Мы можем сказать, что благодаря ГПУ мы прошли мимо громадной опасности. Мы потеряли Кирова, но могли потерять и других, ибо стрельба шла прямо в сердце партии. И теперь вопрос о наших задачах, в стократ серьезнее, чем думал каждый из нас, не зная, как широко они работают, и что дело не в акте только маленькой питерской группы.

56
108 115

Я думаю, что к этой вещи нужно подойти очень по-деловому. Такие указания, какие здесь делали товарищи, они бы имели, я бы сказал, кустарное значение. Понятно, если у Сосновского есть такие места, то это места, наводящие на мысли или требующие пересмотра дела серьезнее. Если здесь какие-нибудь отрыжки идей, то нужно здесь итти по-деловому и сделать прямые выводы. Нужно проверить человека, что он делал. То, что мы делали раньше, может нам показаться теперь в другом свете.

Что касается меня, то, когда я обменивал свой партбилет, то товарищ, который вел со мной беседу, спросил меня о положении в редакции. Я ответил так: партийный костяк в редакции страшно слаб. Редколлегия, как учреждение, не существует. Взаимоотношения между партактивом наверху и внизу, в типографии, очень слабы. Мне Бухарин потом сказал: на что ты жаловался при обмене билетов. Разговор об этом шел между нами очень долго. Но беда была в том, что людей достать было трудно. Мы знали, что у нас в этом отношении дела неважны. Но если мы сами посмотрим на каждого человека, то окажется, что слабое состояние партийной организации не могло не отразиться на том, что называется бдительностью, что у нас должны оказаться люди, может быть и не принадлежащие к организации, но мы должны нашупать те слабые места, где противник может нас опутать.

Мы, безусловно, должны пересмотреть всех наших работников — и не только тех, кто пишет, но и технических. Их мы не знаем совершенно. С точки зрения безопасности такие люди могут иметь колоссальное значение. Когда я прочел сообщение прокуратуры и опубликованные списки, то меня прямо озарила фамилия Давида Юркина. Я знал Давида не только с точки зрения его статей. Его ценили как человека, знающего хорошо партию. Ведь он работал в

10/57
Нб

"За индустриализацию". Но если бы он захотел написать статью и принес бы ее в "Правду", то ее взяли бы с удовольствием. Его роль тогда не знали. И вот теперь оказывается, он имел громаднейшее значение.

Нужно знать человека, к которому ты адресуешься. Представьте себе, приезжает какой-нибудь член террористической организации из провинции. Если приедет какой-нибудь человек, допустим, из Калуги, то ему легче найти то учреждение, скажем, где работает Юркин, он пойдет к нему в "За индустриализацию" - и это не обратит ничего внимания. Но ведь таким же образом в газете может работать или переводчик, или машинистка, или технический секретарь. При хорошей организации конспирации, всякий работающий в публичном учреждении, имеет первоклассное значение.

Теперь два слова по поводу чкаловской статьи. Я не стану говорить о том, были ли в моих статьях какие-нибудь идеиные отрыжки. Смешно, когда люди из одной идеологии - фальшивой - переходят на правильную, чтобы они сразу изживали вынесенные в продолжении ряда лет другие идеи. Когда мне пришлось побывать на с'езде писателей, я решил прочесть книгу Троцкого о литературе. Целые годы я не думал о взглядах Троцкого на литературу. Я работаю здесь шесть лет и вы знаете, что я говорю. Ваше дело, товарищи, судить были ли у меня ошибки Троцкого. Что касается статьи Чкалова, то несмотря на такой авторитетный орган — как отдел печати ЦК, я позволю себе сказать о статье следующее:

Какова ее главная мысль? Я знаю, что среди молодежи есть сектор, который увлекается, скажем, фильмом о Чапаеве, увлекается тем, что было романтическое время; сектор молодежи, которая не видит или недостаточно видит то романтическое, что делается в стране. Что я должен был сказать об этом секторе? Во-первых,

№ 88
№ 117

хочешь быть Чкаловым - учись математике. Я слышал, что люди обиделись на то, что наша молодежь не знает математики. Я знаю от ряда командиров армии, что людей, приходящих в армию, нужно переучивать математике не только за нашу девятилетку, но и за четырехлетку. Их нужно обучать пользоваться картой и обучать артиллерийской стрельбе. Почему нам влетело за статью Лузина? Он был на экзаменах и дело изобразил прекрасно. Когда я писал статью, то имел в виду не только то, что рассказывали военные товарищи, но и похвальбу Лузина.

Я убежден, что у нас математику и естествознание не знают даже сами учителя. Но покажите мне, была ли у нас хоть одна статья о том, как школа может помочь нашей артиллерией и как может помочь читать карту. Я взял популярную брошюру по топографии и говорю, что школьник наш ее не поймет.

И я думаю, что я правильно сделаю, что вместо того, чтобы без конца повторять хвалу нашим героям, сказал: нашей молодежи нужно учиться. Я не сказал, что вообще молодежь не знает физкультуры. Я сказал, что есть часть молодежи, которая только книгу ценит. Я видел много детей наших членов правительства и вообще ответственных работников. Знаю сына Равичева, который, например, прекрасно знает всю историю партии наизусть. А гимнастикой не занимается. Я был в школе, разговаривал с директором школы, где учится моя дочь, и он мне сказал, что большой процент детей - до 30 процентов - освобождается от гимнастики. Я спросил его - почему. Он ответил: с одной стороны, часть детей специально интеллигентская, не привыкла к физической работе, а во-вторых у нас преподаватели физкультуры не на высоте, и в третьих, только в новых школьных зданиях, которые мы теперь строим, имеются хорошие залы.

Допустим, что это его заявление не совсем верно. Что не 30 проц. детей, а 20 проц. детей освобождаются от гимнастики, а мы хотим, чтобы гимнастикой занимались все 100 проц. детей.

Было бы, конечно, смешно сказать, что я, Радек, не могу написать ошибочной статьи. Я нападал на Юзовского и считаю что был прав, но если бы я знал, что он не коммунист я бы на 10 -15 проц. сказал бы все это деликатнее.

То, что я сказал в своей статье, я считаю правильным, и если вы мне докажете, что ЦК скажет, что у нас с математикой и физкультурой обстоит дело прекрасно, то я скажу, что я ошибаюсь. Я не знаю как обстоит дело, но я не могу сказать, что в математике и физкультуре дела великолепны.

Но допустим, что это была неправильная статья, хотя на следующий день приходили работники и говорили, что это великолепная статья, но что она имеет общего с троцкизмом? Троцкий подлизывался к молодежи, но когда коммунист подходит с критикой к моей статье, то в чем он здесь может видеть троцкизм? Конечно, человек, который был троцкистом, должен смотреть сто раз не только в отношении троцкизма, но и в отношении всего. Такой человек не может сказать, что он стоит вне бдительности партии. Можно быть членом партии, который не имел ни одного выговора. Возьмите, например, Аркоса. Его я видел только в обществе ответственных партийных товарищ, которые его считали специалистом по финансам. Думали, что он просто аполитичен. А оказалось, что этот "apoliticalnyy" человек - троцкистский финансист.

Я отнесусь с глубочайшим внимание ко всякому товарищу, если он мне покажет, что во всем, что я писал, была отрыжка Троцкого. Но в чкаловской статье я ничего троцкистского не вижу.

И вот я считаю, что в первую очередь мы должны проверить

тех людей, политическое прошлое которых может вызвать сомнение. Но было бы сугубой ошибкой, вступая в новый период, острый период, думать, что это касается только проверки двурушников. Ведь в чем выражается двурушничество? Ведь такой человек никогда не выступает с открытым острием, направленным против партии. Двурушничество начинается там, где человек скрывает свои взгляды. Я спрашивал самого себя, что мы знаем о каждом из людей и как мы принимаем их на работу? Как мы это делаем? Приходит человек. Прежде всего мы смотрим на его карточку, имеет ли взнскания или не имеет. Если не имеет, то мы уже спокойны. Двурушник не признается, не скажет. Если я живу бок-о-бок с человеком, я могу получить лучшее представление о нем.

Мы не знаем, как человек живет вне редакции. Это одно из самых важных обстоятельств. Мы не знаем, какая у человека жена, какие дети, кто его родители. Мы значительной части, товарищи, не знаем. Нужно найти время, чтобы мы больше между собой общались. Ведь на войне вы должны будете верить человеку, который стоит рядом с вами. И нельзя делать вывода что трудно узнать человека, ведь ГПУ знает, значит, оно имеет людей, которые больше бдительны, чем мы.

Мои выводы. Понятно, всякий из нас, особенно те, которые были в оппозиции, стоит под контролем партии. ЦК может доверять человеку, зная его только на одной части работы, а низовые работники могут способствовать отнятию этого доверия.

Но каждый член партии должен себе сказать: мы идем к войне. Сегодня мы снимаем зиновьевцев, но противник наступает другими группами. Борьба будет продолжительной. Она будет стоить тем меньше, чем больше эти потрясающие вещи встретят нас подготовленными. Ведь их покушение на Сталина могло удастся. Это был бы неслыхан-

WB 61
120

ный удар по партии и тут не ГПУ несет ответственность, а каждый из нас. Вот как организовать и создать такой коллектив, который не пост-фактум, а ежедневно, день за днем делал это умело - это есть практический вопрос, над которым нам нужно поработать не только коллективно, но и группами, по отделам, и одно мы должны знать, что эта банды ничего не имеет за душой кроме ненависти. Но за нею очень большая социальная сила - международный фашизм - и поэтому эта банды не может низвергнуть и уничтожить нашу работу, но много кровли нам испортить она может.

89 101

РАДЕК. Я о себе не считал нужным говорить по следующим соображениям. По линии партийно-политической вы знаете я был одним из передовых оппозиционеров в центре, был одним из тех, которые производили раскол.

Партия меня поставила на работу в "Известия". Я делал эту работу на остром участке и был под наблюдением. Я в продолжение шести лет был под самым тщательнейшим наблюдением. Я не верю словам и должен сказать, что если бы мне пришлось теперь выступить на собрании и сказать - товарищи, проверьте меня идеино, я бы считал себя полным идиотом. Если человек в течение шести лет не убедил своей работой, то это его вина и никакие слова здесь уже убедить не могут.

Я был очень скончен в словах, даже в характеристике зиновьевской группы. И Волгина даже сказала, что она позавидовала моему спокойствию, с каким я говорил. Но когда человек стоит тридцать пять лет на общественной работе, то он выдерживает многое. Это не упрек вам, товарищ Волгина. Я знаю как вы страдали от разложения и окружения вашего мужа, я имею к вам человеческое сочувствие, но о себе я сказал, стоя перед проверкой, и по вопросу всех людей, которые были в оппозиции - никто не стоит вне этой проверки. А дела сами за меня говорят.

По линии работы, товарищ Великодворский, вы здесь новый человек и не знаете обстановки, а поскольку вы ее не знаете, я обошел этот вопрос.

ЦК перед коллективом не поставил вопроса о руководстве "Известий". Он поставил вопрос о троцкистско-зиновьевской банде и о засоренности аппарата. Партийная организация полу-

голоса говорила, когда дело шло об ошибках руководителей. Газета ходит под ЦК, если есть серьезные ошибки, то комитет их исправит. Но подняла ли вопрос когда-нибудь организация, как таковая, что газета делает ошибки. Такого документа нет. Мы с Селихом между собой говорили об этом, с Николаем сто раз говорили об этом. Сталин хвалит газету, а мы были убеждены, что один раз хвалит, но наши ошибки когда-нибудь суммируются.

Вы спрашиваете меня, что я сделал, чтобы улучшить работу редколлегии? Когда Николай пришел, я не раз говорил, что редколлегия работает не как нужно. Имеются три запротоколированных собрания по этому поводу. Селих после этой драки был снят, а Николай пришел и сказал — не рыпайтесь. Может быть я неправильно понимаю вопросы редколлегии, ибо речь идет о ликвидации редколлегии, но вы ошибаетесь, когда думаете, что я считаю, что не делал ошибок.

Существует письмо, написанное руководителем партии, — если не дадите шесть коммунистов в газету, Бухарин сломит себе шею, потому что он не умеет организовать редакцию.

Вы говорите, что я четыре месяца не был на партийных собраниях. Вы знаете какую большую нагрузку я имел со стороны культпропа ЦК и одновременно я должен был до августа сделать три тома учебника. Я считал правильным, что имея такую нагрузку, я должен был другую работу отставить.

Мы несем коллективно всю ответственность за положение в редакции и нет организации, которая могла бы сказать — я тут не при чем. Когда я присматривался к работе нашей корреспондентской сети, то я знал, что там неблагополучно. Приш-

64
123

лось мне столкнуться с работой Регистана. Я видел как для того, чтобы передать корреспонденцию по телефону он носил на телефонную станцию с собой шоколад. Я тогда сказал себе, что я не хотел бы с ним встретиться ночью. И когда я потом говорил об этом, мне сказали, что сто учреждений его провели.

Нельзя сказать, что иностранный отдел не сделал ни одной ошибки за шесть лет. Без этого не могло быть и за это я несу ответственность вместе с вами.

Но что касается вопроса о том, что я четыре месяца не бывал на партийных собраниях, то я заранее заявил, что до августа я не могу никуда приходить. Я не знаю, известно ли вам, что со времени возвращения из оппозиции я всего два раза был в отпуску и то по бюллетеню. Обо мне можно скорее сказать - был двурушник, старается быть стахановцем в работе.

Если партийный человек хочет честно говорить с партийной организацией, то я не скажу, что политика есть теперь та, что была. В этом заявлении есть остатки троцкизма. Когда товарищ Сталин принимал меня и сказал - вы молчите о построении социализма в одной стране. Если не продумаете это до конца, за эту ниточку повеситесь. Нельзя твердыми ногами становиться на землю, не продумав этого вопроса до конца. Я полемику отбросил до конца и целиком погрузился в работу.

Я и Троцкий имели симпатию к Фрейду. Я до сегодняшнего дня вопрос о Фрейде не разработал. Но бывает так, что человек идет неправильным направлением, а затем поправляется, но нельзя сказать, что он на все сто процентов все понял.

Я знаю, что я делал ошибки, и если кто-нибудь приходил ко мне и говорил о них, то разве я относился недобросовестно к этим заявлениям о моих ошибках. Если я думал, что ко мне придираются, я не отступал. Тот коммунист, который имеет страх, ничего не стоит. Когда я сказал не в защиту Сосновского, а у него сто вещей, недодуманных до конца, я пытался с ним говорить по душе, не понимаю, почему ты пять лет сидел в ссылке. Я его считал всегда искренним человеком и он удовлетворительно не мог ответить. Это не значит, что я признал за ним ошибки.

Вот появляется статья Никулина. Она начинается не о троцкистской ошибке, а с прославления того, что в Англии всякий может написать в буржуазной газете, что находит правильным, что неправильным. Это значит восхвалять буржуазную свободу печати. Я звонил по этому поводу Селиху, он говорил, что надо было это вычеркнуть.

Я ни за кем не признаю право на ошибки, но тот, который был долго в оппозиции, должен продумать эти ошибки у себя. Вот Изгоев мне говорил, что моя статья о Чкалове - это троцкистская отрыжка, а это вопрос тяжелого положения в школе.

Наконец, что касается партийной работы, то ни от какой работы, предложенной мне, я не отказывался. Но моя связь с партийной организацией была ослаблена. Это факт.

93 485

РАДЕК. - Я начну с вопросов, которые поставил Изгоев и с исторического вопроса.

Само собой понятно, что если вы спросите, что представляла оппозиция на всех фазах своего развития, то она представляла отражение мелкобуржуазных элементов, с идеиной точки зрения представляя беспринципный конгломерат, признавался ленинизм, и одновременно мы знали, что Троцкий говорил - нет ленинизма. Значит с точки зрения принципов ленинизма и марксизма он представлял беспринципную группу.

Если спросить себя такой же ли она была в 1923 году, то не для того, чтобы сказать меньше ли она была в 1923г., а чтобы понять, почему так долго партия с ней возилась, то нужно это знать.

Оппозиция пошла по гибельному пути. Партия ее предостерегала и дала ей возможность исправиться. Но она шла от этапа к этапу. Можно ли сказать, что когда я шел с ними 1923 году, что это была маленькая ошибка. У меня это было индивидуальное направление, которое сплеталось с люксембургианством. Если бы я не был генералом, а просто человеком недоросшим до ленинизма, то я сел бы на корточки и подумал бы о ревизии и было бы так, что в 1923г., будучи в оппозиции, теперь стоял бы на руководящем посту и партия не вспоминала бы мне, что я был с ними. Это моя историческая вина возможно мелкобуржуазного характера. Бунтовала натура мелкобуржуазного интеллигента. Так, что то что я говорил об этапах оппозиции, то это было сказано для того, чтобы сказать, что несмотря на предостережения партии, оппозиция шла к гибели.

Я не помню разговора об оппозиции в дни смерти Кирова.

67
БГ 126

Но партия считала - вы сукины сыны - на высшем этапе вы критиковали и подличали душой, а внизу стреляла. Партия утверждала, что Зиновьев вложил револьвер в руку убийцы. Поэтому я считал с личной точки зрения, что их нужно расстрелять. Я говорил и Бухарину, что здесь ответственность полностью несет Зиновьев. Я не знал, что это связано с ленинградской компанией. Когда я узнаю, что Киров убит оппозицией, то я сказал Бухарину - мы все несем ответственность.

Если нет доказательств, что Зиновьев руководил террористической организацией, то расстрел их будет тяжелым. Но сам я лично стоял за расстрел Зиновьева и Каменева. Мы часто делаем вещи, которые не все сразу поймут.

Перейду к последней фазе. Из того, что вы считали сегодня, а я знаю обо всей кухне заграничной, как человек, сидящий в таком информационном учреждении как "Известия", я никогда не только о бывших троцкистах не писал, в том, что пишет Троцкий, потому что, если ты скажешь кому-нибудь как он критикует Конституцию, тот скажет другому и получится, что даже критикуя смогу стать передаточным пунктом их пропаганды. Но сегодняшнее собрание, знает лучше все эти вещи и выйдет, что я или повторяю то, что вы знаете, или я буду говорить значительно шире об этих вещах. Будет ли это полезно?

Когда пришел Гитлер к власти, - вы можете спросить об этом Бухарина, он шел на заседание в ЦК, - я ему сказал, поговори с Ягодой, ибо начинается период террористических покушений у нас. Припомните мою статью после смерти Кирова, в которой я пытался показать, как с точки зрения междуна-

родного положения будут выглядеть эти вещи. И я позволю себе сказать с точки зрения эволюции Троцкого и Зиновьева и с международной точки зрения, я понимаю обстановку.

Гениальная политика Сталина дала нам передышку. Два раза мы стояли на грани войны - в 1931г. и в 1933 году. Сейчас идет бешенная борьба за ть, чтобы эту передышку сорвать. Каким образом это фашисты должны сделать у нас? Прежде всего сорвать отношения между нами и Францией. На чем это зиждется? Нужно убедить буржуазию, что нашу силу точит какой-то рак. Насколько тут фашисты действуют. Чем больше у нас покушений, тем больше они имеют шансов сказать они вам говорят о мире потому, что их взрывают изнутри. Они должны это делать с русскими. Где они должны рекруттировать свои пополнения - только из нашей партии, потому что партийный билет стал полноценным. Партийный билет нам теперь котируется на международном рынке. Японская разведка платит за партийный билет 5 тысяч рублей золотом. Вот что значит партийный билет для них. За золото они могут его купить, но они должны иметь поводу щупальцы. Они должны были нашупать какую-то политическую струю, которую можно использовать для этой цели. Этой струей оказались зиновьевцы, они были мелкобуржуазной контрреволюцией и стали прямыми агентами фашизма.

По какому механизму? И здесь я должен вернуться к прошлому. Почему это меня не удивило? Вы знаете мое отношение к делу Блюмкина, когда этот человек вернулся из-за границы в качестве агента Троцкого и заколебался, то когда он обратился ко мне и сказал...

Сын Троцкого находил, что экспы на торгпредство допустимы, потому что нужны деньги.

69
128

Для меня стало ясно, что Троцкий пришел к убеждению, что нас никакими массовыми мерами не сбросишь, и что нужно идти на террор. Есть ли между ними прямая связь? Я считаю, что она существует. Мы трижды с Бухарином говорили, и он высказал интересную мысль: Троцкий наверное так говорит: я возьму власть, я единственный. Средство - ведь Ленин ехал в пломбированном вагоне.

Связь^{их} с фашистами, безусловно, существует. И не просто об"ективно, а с немецким фашизмом и если не все это знают, то верхушка знает, что это есть работа совместно с германским фашизмом.

Все толкало оппозицию к террору и двурушничество выросло на двух вещах: с одной стороны прятаться перед партией, легализоваться для действий. Какой у них был стратегический план. Не могли же они думать, что выстрелив в ряд товарищей, они смогут взять власть. Они думали, что будет смятение. В статье для "Правды" Зиновьев писал я пришел к Мехлису и сказал не печатай этой алиби. Он спросил: Почему? Я сказал Зиновьев боролся непосредственно против Кирова в 1925 году и если он хочет искренно приблизиться к могиле, то он должен сказать я

Тогда Мехлис сказал - я не буду печатать. Тот элемент, на который рассчитывал Зиновьев, что в случае смятения, вызванного террористическим покушением, часть людей вернется обратно, может быть они пригодятся.

Третий элемент, который играл большую роль - было двурушничество. Неслыханный в истории факт. Эсеры скрывали свои террористические организации, но они не скрывали, что у них

есть террор. А Троцкий писал, что "вся эта история затеяна, чтобы бросить на меня тень. Кто поверит, что Зиновьев террорист.

Почему это делали? Потому что за границей они будут выступать в качестве рядовых коммунистов. Во Франции наше положение чревато трудностями. Если мы можем в данный момент отказаться от развертывания забастовки, левые рабочие этого могут не понять. И троцкисты в Испании говорят, что нельзя поддерживать правительства. Во Франции сказано, что народный фронт есть предательство социализма и, пытаясь использовать левые настроения маленьких колеблющихся групп, которые завтра будут с нами, Троцкий и Зиновьев должны были маскировать эти вещи и потому получилась такая картина, о которой я писал, что не знаю ничего подобного, ибо только иезуиты так делали.

Поэтому создается такое положение, что один товарищ смотрел на другого с недоверием. Поэтому я глубоко убежден, что они являются пособниками фашистов и, как определял Сталин, "если их не уничтожить, то мы будем обстреляны с фронта и тыла. И моя оценка такая, что нужно их расценивать как вредителей, которые имели задачей создать обстановку, позволяющую противнику в нас ударить, и вторая вещь - более опасная - что среди них есть боевая группа.

Когда я в коммюнике прочел имена Бокаева, Мрачковского и других, др. , крупного козыря - холодного, расчетливого человека, я себе сказал - мы прошли мимо величайшей опасности, потому что там есть люди, которые способны были выступить удачно не только против Кирова, но и против

98 11
130

других. Когда я прочел фамилию опять этого Др.....
то я взял телефонную трубку и сказал Агранову - ищите
Эстермана. Я его не видел с тридцатого года, но я знал, что
этот человек был подручным у Др. Он сам не
пойдет на террористическое ~~попытание~~^{попытку}, но это завхоз терро-
ра. И когда здесь читали письмо, я увидел этого человека.

Поэтому я считаю. Есть две опасности не создавать впе-
чатления, что мы имеем дело с какой-то большой, солидной
организацией. Другая опасность - думать, что мы их вылови-
ли до конца.

С того момента, когда я вернулся в партию, я поставил
себе вопрос, что не надо поддерживать отношения даже со
своими приятелями. Партия считает, что оппозиционер лучше
изживает свои ошибки в партии, а не в группе. Поэтому я не
имел возможности наблюдать оппозиционеров. Когда мы здесь
из кульпропа получили Виноградскую и я звонил Селиху, что
нужно сделать все, чтобы ее не было в отделе. Я знал этих
людей на ссылке. Я их плохо знал в 1926 или 1927 г., потому
что делал верхушечное дело, но со временем ссылки я знал,
что большинство из этих людей жило ненавистью и было
уязвлено в своем самолюбии.

Здесь Волгина говорила об атмосфере, о том как люди
пали. В двадцатом году Ленин вызвал головку петроградской
организации. Я должен был войти. Глясер мне говорит: подож-
ди. Вышел Бакаев и Евдокимов, с красными глазами, и когда
я вошел к Ильичу и стал говорить ему о деле, то он сказал,
что эти голубчики нам наделяют еще много страшных вещей.

Они устроили в "Истории" пьянку. И ленин сказал: тридцать рублей им цена при буржуазии. Теперь дервались до икорки. Талантливые организаторы разложились и их надо снять. Волгина вероятно помнит собрание в Смольном в актовом зале, на котором выступал Угланов. И оценка была такая: люди очень ценные идут ко дну, и спасти их можно только из "яв из Петербурга. И если только у Зиновьева нет за душой ничего кроме ненависти, то она их связывала.

Но, действительно, как это случилось, что из бывших коммунистов возникли последние кадры в России, защищающие грудью возвращение капитализма. Если вы возьмете троцкистов, то это 90 процентов городские мелкобуржуазные элементы. Когда мы в деревне проводим коллективизацию, то не ущемляет крестьянина, потому что он в большинстве своем труженик и скопил ^{и ч} деньги. Мы переводим его на рельсы колLECTIVизма и открываем ему путь к новой. В городе мелкий купчишка, маленький хозяйствчик, занимавшийся эксплоатацией — поэтому отпор в городе должен держаться дальше. И он нашел выражение в основном с троцкистской оппозицией. И эти люди, говорившие о невозможности вызвать Революцию в России, эти люди пытаются теперь провести свои тезисы, отбросив нас назад. А

3
10/12/38

как они могут это сделать? Уже мелкой буржуазией, они нас не могут взять. Нет городской буржуазии. Я видел на большом заводе в Харькове массу рабочих. Теперь весь этот сгусток воли, что остался от контрреволюции, наиболее способный к действию - это есть троцкистско-зиновьевская банда. Старые контрреволюционные элементы вольются в эту организацию. Это есть ответ, как я смотрю на последнюю фазу.

Создается сравнительно массовая, не имеющая крупной социальной базы, сравнительно разветвленная организация, которая будет всеми силами бороться за жизнь. И поэтому вывод только один - показать, что никакое прошлое, никакой старый билет не может никого спасти от смертной казни, если он соприкасается с этой террористической организацией.

Мы говорим, что трудно приостановить процесс с точки зрения заграницы. Но этот процесс облегчает возможность довести дело до конца. Это предварительные, боевые ... задание перед войной, которую готовит враг, не полагаясь на то, что мы будем колебаться.

Когда я вернулся в партию и, хотя был убежден, что все я понимаю, то этого не было и могли быть ошибки, которые мне и редакция, и другие исправляли.

Что означала ссылка на Сталина? Мы ведь не говорили о социализме в одной стране. Он нас потянул за ниточку и сказал, что вы можете спрятать свои сомнения. И он сказал, что если сомнения есть, то вы вернетесь, а если вы думаете, что вы можете вернуться с половиной продуманных вопросов, то вы свернете себе шею. Это, конечно, не картбланш — сиди в партии, делай ошибки и потом говори, что медленно изживаешь ошибки. Про Сосновского можно сказать, что если человек пять лет не возвращается, то он не решается это сделать, что у него есть какие то сомнения и поэтому нужно сугубо серьезно относиться ко всяkim его статьям. Вообще может быть формально правильно, но в какой-то части быть опасным. Это означало не снисходительность к Сосновскому, а повышение ответственности.

Великодворский говорит, что я должен сказать, как я боролся с оппозицией. Но в чем должна состоять моя борьба? Я должен искренне обдумывать те вопросы, по которым я занимал позицию в газете. Когда я писал о Сталине, как о великом зодчем — это была не только брошюра о Сталине, это было завершение того, что я в продолжение ряда лет уже думал о том водоразделе, который имеется между нами и ими. Если речь идет о их теории.

ВЕЛИКОДВОРСКИЙ. — У них теории никакой не было.

РАДЕК. — Я боролся практически. Ни одного человека-троцкиста я к себе не подпускал. Люди, с которыми я работал, знают, как я относился к тому, что хоть сколько-нибудь пахло троц-

кизмом.

Что касается характеристики аппарата, то я утверждаю, что не только нет ни одного человека, которого мы могли бы подозревать, что он связан с троцкизмом. Есть два человека, о которых можно поставить вопрос - это немец т. Гаук, которого мы получили из ИККИ, от Беккера, который знал его. Как я проверял Гауса? Я читал его философские работы, я расспрашивал его о среде, которая была связана с ним. Он был секретарем в районе, где была особенно остра борьба с троцкистами и никогда он не подозревался в связи с троцкистами. Этот человек начал учиться по-русски, читает наши газеты и, я думаю - снимем ли его по целесообразности, чтобы не иметь иностранца, нужно ли это. Этот человек - единственный известный мне иностранец - коммунист, который в продолжение ряда лет занимается военной теорией. Но, несмотря на мое полное убеждение в честности этого человека, но когда он сказал "Я хочу ехать на маневры", то я ему сказал, что "Известия", никого не посыпают на маневры" и прекратил этот разговор. Я не хотел, чтобы человек, которого я знаю, с 1933г., все-таки был там?

Ралов окончил университет в Париже. Член партии, работал на конспиративном заводе как редактор многотиражки, где проверяется всякий человек. Он имел наилучшие рекомендации. Как человек, несущий ответственность за иностранный отдел - а я несу ее всецело - и если проверка покажет, что там есть люди, которые имеют связь с троцкистами, я понесу ответ за это. Так что я считаю, что я сделал все, что было в моих силах.

Что касается работы в редакционном коллективе, то когда пришел Бухарин, я сказал, что за вопросы организации вне

отделов я не отвечаю.

И, наконец, я хочу сказать два слова о том, что я глубоко убежден, что мы не один год еще будем работать совместно, и что такие вещи как сегодня в смысле обиды не делают ни малейшего впечатления. Я знаю свою вину, перед партией и знаю, когда это вина кончится. И кончится она когда мы в войне будем защищать грудью советскую власть, и ЦК после скажет: вы кровью доказали свою преданность. И тогда я смогу сказать партии, что я смыл свою вину, а теперь я могу сказать - я делал все, и если я был с теми, кто делал революцию, то какой партийный человек должен дать на право быть критически недоверчивым. И ни один товарищ, с которым я работал, мог бы сказать, что я когда-нибудь иначе, чем сердцем скромного партийца относился с сомнением к этому праву.

Четвертый пункт голосуется и единогласно принимается.

Резолюция прилагается.